

Российские депутаты при принятии антикоррупционного закона решили, что стоимость подарков для госслужащих не должна превышать 3 000 руб., иначе эти подарки должны быть переданы государству. *(Но государство – это не абстрактная структура, это живые люди, те же чиновники. Кому будут передаваться конфискованные подарки?)*. Это первое.

Второе. Чиновник должен докладывать о ставших известными ему фактах коррупции со стороны коллег по службе. *(Мало вероятно, что круговая порука, формируемая в нашей стране десятилетиями, приведёт к «стукачеству»)*.

Третье. В течение двух лет после отставки чиновник не может без разрешения занимать должности в компаниях, которые курировал по долгу службы. *(В Финляндии отставных чиновников, замешанных в коррупции, никто не берёт на хорошую работу: как доверять сотруднику, который может сдать работодателя конкурентам за деньги? В России бывшие чиновники никогда не оставались и не остаются без работы, поскольку обладают богатым опытом, деловыми связями, влиянием)*.

Что изменится в обществе после введения антикоррупционного закона в силу, покажет время. Одно ясно, масштабы проблемы таковы, что она начинает угрожать не только экономике страны, но и её национальной безопасности.

Подольяк Е. Ю., г. Пермь

## **ЭФФЕКТИВНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ОСНОВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Гражданское общество, определяемое как общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми и культурными отношениями между людьми, как независимое от государства, но взаимодействующее с ним должно базироваться, по нашему мнению, на эффективно функционирующей системе социального партнерства.

Социальное партнёрство является, с точки зрения теории, некой идеальной моделью управления, способом предотвращения и разрешения конфликтов. Отечественная наука с начала 1990-х г.г. разрабатывала теорию социального партнерства, определяла перспективы развития этого нового для России феномена. При этом часть российских субъектов начала развивать региональную систему социального партнерства раньше, чем стала институализироваться федеральная. Примером подобной практики является Пермский край.

Система социального партнерства в Пермском крае осуществляется через краевое трехстороннее соглашение между профсоюзами, работодателями и правительством Пермского края, соглашением между администрацией города, региональным объединением работодателей Пермского края «Сотрудничество» и краевым советом профсоюзов, через территориальные соглашения (45), территориально-отраслевые соглашения (122) и 3695 коллективных договоров, что составляет 91,4% от общего количества профсоюзных организаций, состоящих на профсоюзном учете [1].

В связи с реформированием регионального управления и местного самоуправления активизировалась работа трехсторонних комиссий по регулированию социально – трудовых отношений, созданных в муниципальных образованиях, из 40 муниципальных образований трехсторонние комиссии работают в 35.

Ученые, занимающиеся изучением теории и практики социального партнерства, систематизируют, рассматривают и анализируют, в основном, количественные критерии функционирования данного социального института. Однако нам представляется наиболее объективным опираться не только на количественные показатели (динамику заключаемых коллективных договоров, трехсторонних соглашений, систематичность и работы трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений и количество рассмотренных ею за определенный период вопросов и т.д.), но, прежде всего, на экспертные оценки эффективности функционирования системы социального партнерства.

В рамках комплексного исследования, проведенного автором, были проанализированы 11 краевых трехсторонних Соглашений, заключенных в Пермском крае с 1992 по 2007 г.г., итоги работы трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в Пермском крае за период с 2000 по 2008 год, а также было опрошено 30 экспертов включенных в систему социального партнерства регионального уровня в Пермском крае.

Анализ полученных по экспертным интервью данных показал, что количественные критерии, традиционно используемые для анализа эффективности деятельности системы социального партнерства, не в полной мере отражают её влияние на развитие социально-трудовых отношений в регионе.

Эксперты сходятся во мнении, что при необходимости развития системы социального партнерства федерального и регионального уровней, ее механизмов в настоящий период она находится в кризисном состоянии, которое в первую очередь обусловлено дисфункциональным состоянием одного из ключевых субъектов отношений – профессиональных союзов. Дисфункция проявляется, в первую очередь, в превалировании внутринституциональных интересов профессиональных союзов над внешними функциями.

Помимо этого в качестве негативной тенденции эксперты выделили трансформацию содержания деятельности основного механизма деятельности системы социального партнерства регионального уровня – трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Трёхсторонняя комиссия из органа, целью которого является согласование интересов субъектов социального партнерства, трансформируется в орган информирования представителей работодателей и работников о деятельности Правительства края. Большинство рассматриваемых вопросов являются информацией Правительства Пермского края о проводимой политике в регионе. При этом указанные вопросы касаются, прежде всего, бюджетной сферы, а не промышленной политики региона.

Несмотря на определение состояния системы социального партнерства в Пермском крае как кризисного, большинство экспертов сходятся во мнении, что эффективное её функционирование могло бы стать основой формирования гражданского общества. Помимо этого, трёхсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений в крае, являясь основным механизмом системы социального партнерства – это, прежде всего, «площадка для диалога» представителей трёх сторон. Не смотря на то, что решения комиссии не имеют законодательной силы, часто формулировки их носят достаточно расплывчатый характер, деятельность её является важной с точки зрения предупреждения социально-опасных ситуаций в регионе.

#### **ПРИМЕЧАНИЯ:**

1. Постановление Президиума Пермского краевого совета профсоюзов № 5 «Об итогах коллек-

## **КОРРУПЦИЯ КАК ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОСТКОМУНИСТИЧЕСКИХ СТРАН**

Большинство политологов считает, что серьезных успехов в борьбе с коррупцией можно добиться лишь при наличии в стране эффективно функционирующих демократических институтов и развитого гражданского общества. Такая точка зрения имеет под собой серьезные основания. В различных международных рейтингах в лидерах по достигнутым результатам борьбы с коррупцией действительно находятся страны с устойчивыми демократическими порядками. Однако, во-первых, среди наименее коррумпированных стран есть и те, которые никак не отнесешь к категории демократических – например, Южная Корея (40-е место из 180 стран в международном коррупционном рейтинге за 2008 г., составленном экспертами известной неправительственной организации «Трансперенси Интернешнл»), Тайвань (39-е), Гонконг (12-е), Сингапур (4-е); а во-вторых, есть немало стран, причисляемых различными экспертами к категории демократических, но в то же время являющихся в высокой степени коррумпированными – например, Демократическая Республика Конго (171-е), Папуа-Новая Гвинея (155-е), Соломоновы острова (109-е), Аргентина (109-е), Бенин (96-е). Это заставляет усомниться в справедливости распространенного мнения о том, что политическая демократия и развитое гражданское общество являются едва ли не обязательными условиями успешной борьбы с коррупцией.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то, что бывшие республики Советского Союза (за исключением прибалтийских), а ныне независимые государства, в рейтинге «Трансперенси Интернешнл» занимают далеко не первые места (Грузия – 67-е, Молдова и Армения – 109-е, Украина – 134-е, Казахстан – 145-е, Россия – 147-е, Таджикистан и Белоруссия – 151-е, Азербайджан – 158-е, Узбекистан, Туркменистан и Киргизстан – 166-е). Не намного лучше обстоят дела и в целом ряде других посткоммунистических стран (Румыния – 70-е, Болгария и Македония – 72-е, Сербия и Черногория и Албания – 85-е, Босния и Герцеговина – 92-е, Монголия – 102-е, Вьетнам – 121-е). Этот ряд с полным основанием можно дополнить и другими странами «третьей волны» глобальной демократизации, начавшейся в 1974 г. Все это позволяет допустить, что высокий уровень коррупции в странах «третьей волны» стал следствием их демократизации, одной из издержек демократического транзита, отражением слабости его исходных институциональных и ценностно-нормативных предпосылок.

На это, в частности, обращают внимание российские ученые В.М. Полтерович и В.В. Попов: «Быстрая демократизация, как и всякая фундаментальная реформа, создает массу возможностей для злоупотреблений и извлечения ренты, – пишут они. – Один из механизмов подрыва институтов при быстрой демократизации, низкой политической культуре и слабой судебной системе может быть вкратце описан следующим образом. В результате демократизации граждане, подавляющее большинство которых не интересуется политикой и не разбирается в политических программах, получают право голоса – ресурс, им совершенно не нужный, но обладающий потенциальной ценностью для организованных политических группировок. При слабом правопорядке это создаст почву для торговли голосами и расцвета политической коррупции, причем субъектами коррупционных сделок становятся не